

Ашхамахова Асиет Аскеровна

доктор философских наук,
преподаватель подготовительного факультета
для иностранных граждан
Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина

Ashkhamakhova Asiet Askerovna

D.Phil.,
Lecturer, Preparatory Department
for Foreign Citizens,
Kuban State Agrarian University

Кочесоков Роберт Хажисмелович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова

Kochesokov Robert Khazhismelovich

D.Phil.,
Professor, Head of the Philosophy Department,
Kabardino-Balkarian State University

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ПРОВАЛА ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

CONCERNING SOME REASONS FOR THE FAILURE OF THE POLICY OF MULTICULTURALISM

Аннотация:

В статье анализируется ряд факторов, сыгравших существенную роль в провале политики мультикультурализма, но не нашедших должного освещения в научной литературе. Это, во-первых, преобладание в теории мультикультурализма «процедурных» вопросов над концептуальными. Подчеркивается, что в теории мультикультурализма большое внимание уделяется процедурным механизмам, тогда как конечная цель оказывается расплывчатой. Авторы объясняют такое положение дел стремлением избежать негативных последствий попыток реализации исторический идеологий в прошлом столетии, с одной стороны, и влиянием постмодернистских положений об отсутствии каких-либо объективных критериев оценки культуры, доминантой «философии различия» над «философией тождества» – с другой. Во-вторых, вопреки декларативным положениям, в теории и политике мультикультурализма нет принципиальной новизны, поскольку, как показывает ее эволюция, в конечном итоге она трансформируется в «мягкую» форму ассимиляции.

Ключевые слова:

мультикультурализм, модель «плавильного котла», советская национальная (культурная) политика, «процедурный мультикультурализм», национальная культура, идеология, постмодернизм.

Summary:

The article analyzes a number of factors that have played an essential role in the failure of the policy of multiculturalism but which have not received sufficient attention in the scientific literature. Firstly, this is the predominance of the “procedural” issues over the conceptual ones in the theory of multiculturalism. It is emphasized that the multicultural theory focuses on procedural mechanisms while the ultimate goal is ambiguous. The authors explain this state of affairs by the desire to avoid the negative consequences of attempts to implement historicist ideologies in the last century, on the one hand, and the influence of postmodernist provisions on the absence of any objective criteria for assessing culture, the domination of the “philosophy of difference” over the “identity philosophy”, on the other hand. Secondly, contrary to the declarative provisions, there is no principal novelty in the theory and policy of multiculturalism, because the evolution of this policy shows that it is finally transformed into a “soft” form of assimilation.

Keywords:

multiculturalism, melting pot policy, soviet ethnic (culture) policy, “procedural multiculturalism”, ethnic culture, ideology, postmodernism.

К важнейшим событиям последнего десятилетия можно отнести провал политики мультикультурализма, получивший официальное признание на уровне лидеров ведущих европейских государств. Закономерным следствием произошедшего видится обострение сосуществования культур (народов) в будущем в отсутствие приемлемой альтернативы политике мультикультурализма. В связи с этим и политикам, и ученым необходимо извлечь уроки из случившегося. Проблеме провала политики мультикультурализма, которая является сложной и многоплановой, посвящено большое количество научных исследований. В настоящей статье остановимся только на некоторых причинах, которые не нашли должного освещения в научной литературе, хотя, на наш взгляд, сыграли далеко не последнюю роль в исследуемом процессе.

В современной научной литературе представлено большое количество определений понятия «мультикультурализм». По существу они совпадают, а их различия в данном случае не имеют принципиального значения. В качестве типичного приведем определение Н.С. Кирабаева, согласно кото-

рому мультикультурализм представляет собой «теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Он утверждает уважение к различиям, но при этом не отказывается от поиска универсальности» [1, с. 640].

В конце прошлого столетия в политической науке появился неологизм «процедурная демократия», призванный подчеркнуть, что в современном либерализме демократию стали рассматривать главным образом как инструментальную процедуру [2, с. 225]. Вкратце суть ее заключается в том, что государство не может навязывать какие-либо ценности обществу, социальным группам и отдельным индивидам и должно только обеспечивать соблюдение ими демократических процедур. Таким образом, это нейтральное по отношению к ценностям государство, выступающее в качестве стороннего арбитра. Такой подход к демократии давно известен. Достаточно четко ее суть сформулировал в свое время Й. Шумпетер: «Демократия – это всего лишь метод, так сказать, определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений. Отсюда – она не способна быть целью сама по себе, безотносительно к тем решениям, которые будут приниматься в конкретных обстоятельствах при ее посредстве» [3, с. 321]. По аналогии можно говорить и о «процедурном мультикультурализме». Раскроем это понятие.

Как известно, для проведения любого политического курса необходимо поставить цель и подобрать наиболее адекватные средства ее достижения. Чем значимее цель и чем четче она сформулирована, тем легче подобрать соответствующие средства. Если же цель неясна или малозначима, на первый план зачастую выходят вопросы процедурного характера. Именно это случилось с политикой мультикультурализма. Поясним сказанное через сравнение политики мультикультурализма с предшествующими великими проектами: американской моделью «плавильного котла» и советской национальной (культурной) политикой.

Американская политика «плавильного котла» базировалась на следующем тезисе: в результате взаимодействия культур они «переплавятся», и, что особенно важно, сформируется новая культура. Все по законам рыночной экономики: без насилия, принуждения, рынок все расставит по своим местам. Но, как и классическая рыночная экономика, политика «плавильного котла» оказалась ограниченной.

Советская национальная (культурная) политика исходила из положения, что в результате развития, расцвета национальные культуры неизбежно сблизятся и сольются, образуя опять же новую культуру. Правда, в отличие от американской советская политика сознательно направлялась. Считалось, что стихийно ничего не получится, необходимо развивать то, что способствует расцвету и, следовательно, сближению.

Политика мультикультурализма разрабатывалась с учетом опыта этих моделей и, казалось бы, должна была стать их диалектическим синтезом, т. е. чем-то качественно новым. Советскую модель она напоминает тем, что на государственном уровне целенаправленно и сознательно способствует сохранению и развитию национальных культур. Сходство с американской моделью состоит в том, что государство не занимается селективным отбором, т. е. властным, административно-директивным определением того, что из национальных культур сохранить и развивать, а что подлежит безжалостному уничтожению.

В конечном итоге вместо диалектического синтеза получилась эклектика. Прежде всего это объясняется тем, что в отличие от прежних моделей политика мультикультурализма никогда не ставила четких целей, т. е. даже в общих чертах не представляла себе, что нового получится в итоге. Причем это делалось не по незнанию, а намеренно, сознательно. Напомним, что основной целью провозглашается неконфликтное сосуществование культур, уважение к различиям.

Поясним сказанное на примере Канады. Родоначальник канадской политики мультикультурализма, бывший премьер-министр страны П.Э. Трюдо говорил: «Действительно, мы считаем, что культурный плюрализм является самой сутью канадской идентичности. Каждая этническая группа имеет право сохранять и развивать свою собственную культуру и ценности в канадском контексте. Сказать, что у нас есть два официальных языка, не означает, что у нас есть две официальные культуры, и ни одна культура не является более “официальной”, чем другая» [4, р. 28]. Комментируя эти слова, Х.Д. Форбс пишет: «Трюдо, очевидно, поддерживал цель создания государства или общества, которое стремилось бы стать нейтральным по отношению ко всем традиционным национальным или этническим культурам, подобно тому, как современное либеральное государство пытается поступать по отношению к конкретным религиям. Такое государство или общество не будет сознательно навязывать какую-либо особенную культуру своим членам: оно не будет покровительствовать культуре своего большинства (или групп) или какого-либо этнокультурного меньшинства. Не будет оно также прямо или опосредованно (путем преднамеренных действий или через пренебрежительное отношение) разрушать и уничтожать культуры его малочисленных, менее влиятельных групп. Вместо этого оно будет пытаться справедливо или одинаково относиться ко всем культурам. Но это не означает, что оно будет разделенным или

анархическим обществом, страдающим от того, что иногда называют культурным релятивизмом. Несмотря на отсутствие какой-либо привилегированной или официальной культуры, государство или общество Трюдо предполагало законы, обычаи, соглашения, цели и способы образования молодежи: оно только не будет покровительствовать какой-либо культуре» [5].

Приведенная выше цитата является типичным примером аргументации приверженцев мультикультурализма. В таком обосновании подробно расписываются процедурные положения, но не затрагиваются наиболее сложные вопросы, подлежащие решению. К примеру, что будет делать государство, если различные культуры будут придерживаться взаимоисключающих ценностей, что случается довольно часто? Какие именно ценности прививать подрастающему поколению? Такое сосуществование различных культур временно или «вечно»? Подобных вопросов возникает великое множество. Вместо ответов слышны призывы к соблюдению демократических, очень хороших по своей сути положений.

Но сохранение культур, признание равноценности различных культур и т. п. не могут являться самоцелью, хотя и имеют огромное значение. Они, несомненно, важнейшие условия существования народов, но не цели. Критики мультикультурализма справедливо говорят, что разнообразие следует принимать как неизбежный жизненный факт, а не как цель, которую нужно продвигать посредством государственной политики [6]. Целью может быть только социальное развитие, развитие народов.

Можно предложить два объяснения этого обстоятельства. Во-первых, сказались негативные последствия попыток реализации историцистских (по К. Попперу) [7] идеологий прошлого столетия, вследствие чего всячески избегаются любые разговоры о целях социального развития. Во-вторых, оказали влияние постмодернистские положения об отсутствии каких-либо объективных критериев оценки культур, доминанта «философии различия» над «философией тождества».

Еще одна важная причина провала политики мультикультурализма непосредственно связана с предыдущей. Новизна процедурных положений не может заменить новизну сути, направленности политического курса. В этом смысле можно сказать, что политика мультикультурализма в действительности не представляла собой кардинального, качественного изменения культурной политики. Подчеркнем, речь идет, конечно же, о существенных, качественных изменениях, а не о значимых, но все же второстепенных.

Попробуем обосновать сказанное. Политика мультикультурализма прежде всего противопоставлялась прежней политике ассимиляции. Но есть ли качественные отличия?

К наиболее важным достижениям политики мультикультурализма, как правило, относят следующие. Во-первых, отказ от политики примата западной культуры. Во-вторых, усилия по сохранению и развитию культур меньшинств. В-третьих, принцип диалога равноправных и равноценных культур как средства достижения взаимопонимания. К заслугам мультикультурализма У. Кимлика (W. Kymlicka) относит также признание права на самоуправление для коренных народов, развитие региональной автономии, признание языков национальных групп в качестве официальных, создание более благоприятных условий для предоставления убежища мигрантам [8, р. 1].

Ни в коей мере не подвергая сомнению значимость этих и других достижений мультикультурализма, все же заметим, что всегда имплицитно признавалась доминирующая роль западной культуры, прежде всего либеральной системы ценностей. Отвечая критикам мультикультурализма, У. Кимлика в одной из своих последних работ подчеркивает, что защищает именно либерально-демократическую форму мультикультурализма, основанную на базовых либеральных ценностях свободы, равенства и демократии, которую необходимо отличать от имевших место в прошлом нелиберальных форм мультикультурализма, в которых группы мирно сосуществовали, при этом оставаясь индифферентными к свободам или демократическим правам отдельных людей [9, р. 3]. Никто из «столпов» мультикультурализма не подвергает сомнению, что фундаментом диалога и взаимодействия культур являются незыблемые либеральные ценности. Поэтому исходным пунктом всех концепций мультикультурализма является признание и принятие всеми этих ценностей. В этом смысле можно сказать, что по существу политика мультикультурализма суть «мягкая» форма ассимиляции.

Тенденции осуществления политики мультикультурализма практически во всех странах аналогичны. Сначала декларируется полное равенство всех культур. Когда приходится уточнять содержание политического курса, наблюдается обращение к прошлым ценностям, причем определенной – доминантной культуры. Впоследствии все же признается необходимость навязывать (хотя это слово и избегается) некоторые ценности.

Покажем это на примере Австралии. Первоначально в 1970-е гг. Австралия провозгласила себя мультикультурным обществом. Но тогда возник вопрос: чем же в таком случае австралийцы отличаются от канадцев, которые также провозгласили Канаду мультикультурной страной? В «Национальной программе для мультикультурной Австралии» (1989) было внесено уточнение, касающееся британского наследия: «Наше британское наследие чрезвычайно важно для нас. Это помогает определять нас как австралийцев» [10, р. 246]. Австралийское правительство, выражая

поддержку иммигрантов в их стремлении сохранить свои культурные и языковые традиции, вместе с тем всегда подчеркивало незыблемость культуры сложившегося общества и его политико-административных институтов, а культурное разнообразие рассматривалось лишь как дополнение [11].

Поэтому в официальном отказе от политики мультикультурализма для специалистов ничего нового нет. Еще в начале XXI в. американский ученый К. Джоппке (С. Joppke) в статье «Отступление от мультикультурализма в либеральных государствах: теория и политика» убедительно показывал, что вопреки декларативным заявлениям о приверженности мультикультурализму в либеральных государствах происходит отход от него на уровне как теории, так и непосредственно политики [12].

Анализируя изменения в политике по отношению к мигрантам в Голландии, К. Джоппке отмечал, что хотя в этой стране многие годы повторялось, что интеграция иммигрантов – это «улица с двусторонним движением», на самом деле это главным образом означало, что принимающее мигрантов общество должно измениться, и практически ничего не требовалось от мигрантов. Теперь установки меняются в противоположную сторону и устами официальных лиц заявляется, что «можно ожидать, что члены этнических меньшинств сделают все возможное, чтобы как можно скорее обрести независимую позицию в нашей стране. Это требует от них сделать выбор в пользу нашего общества и принять ответственность за те возможности, которая наша страна предоставляет нашим новым соотечественникам. Освоение голландского языка является важнейшим аспектом этого» [13, р. 248]. Наиболее ярким примером проявления изменения политики, по мнению К. Джоппке, стал закон 1998 г., обязавший мигрантов проходить 600-часовые курсы языка для получения гражданства. Впоследствии подобные программы были приняты и в других европейских странах [14].

Очень трудно однозначно сказать, что «нового» в конечном итоге получилось. К примеру, в чем специфика нового британского или австралийского мультикультурного общества. Ответы приверженцев мультикультурализма на подобные вопросы весьма противоречивы. С одной стороны, перечисляются ценности доминировавшей в прошлом культуры. С другой стороны, представляются универсальные ценности. В этом плане К. Джоппке справедливо обращает внимание на странную ситуацию [15, р. 253–254]. Правительства заявляют, что хотят привить мигрантам «британские» или «голландские» ценности, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что ничего «британского» или «голландского» в этих ценностях нет, это в основном всем известные либеральные ценности.

Сказанное вовсе не означает, что политику мультикультурализма можно отправить на «свалку истории». Во-первых, этот урок поучителен, особенно для россиян. В свое время мы отбросили советскую модель как совершенно несостоятельную и ошибочную, думая, что существуют модели гораздо лучше. В связи с этим важно тщательно изучить опыт всех моделей и извлечь из них полезное. Во-вторых, необходимо не только совершенствовать механизмы взаимодействия, сосуществования культур, но и ставить цели. Иными словами, следует разрабатывать новую идеологию гуманистического характера, которая по-настоящему могла бы сплотить все культуры (народы) вокруг высших целей. А нерешенных проблем еще очень много: социальное неравенство как на глобальном (международном), так и на локальном (внутригосударственном) уровне, глобальные угрозы человечеству и т. п.

Ссылки:

1. Кирабаев Н.С. Мультикультурализм // Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003.
2. Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М., 1998. С. 219–248.
3. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
4. Multiculturalism and the Canadian Constitution / ed. by S. Tierney. Vancouver ; Toronto, 2007. 256 p.
5. Ibid. P. 28.
6. Levy J.T. The Multiculturalism of Fear. N. Y., 2000. 280 p.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992.
8. Kymlicka W. The Essentialist Critique of Multiculturalism: Theories, Policies, Ethos [Электронный ресурс] : European University Institute Working Paper RSCAS 2014/59. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/31451/RSCAS_2014_59.pdf?sequence=1 (дата обращения: 12.09.2017).
9. Ibid. P. 3.
10. Joppke C. The Retreat of Multiculturalism in Liberal States: Theory and Policy // The British Journal of Sociology. 2004. Vol. 55, iss. 2. P. 237–257. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2004.00017.x>.
11. Wieviorka M. Is Multiculturalism the Solution? [Электронный ресурс]. URL: http://www.epolis.cz/download/pdf/materials_11_1.pdf (дата обращения: 12.09.2017).
12. Joppke C. Op. cit.
13. Ibid. P. 248.
14. Ibid.
15. Ibid. P. 253–254.

References:

- Joppke, C 2004, 'The Retreat of Multiculturalism in Liberal States: Theory and Policy', *The British Journal of Sociology*, vol. 55, iss. 2, pp. 237–257. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2004.00017.x>.
- Kirabaev, NS, Mazur, II & Chumakov, AN (eds.) 2003, 'Multiculturalism', *Globalistika. Entsiklopediya*, Moscow, (in Russian).
- Kymlicka, W 2014, *The Essentialist Critique of Multiculturalism: Theories, Policies, Ethos: European University Institute Working Paper RSCAS 2014/59*, viewed 12 September 2017, <http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/31451/RSCAS_2014_59.pdf?sequence=1>, <https://doi.org/10.2139/ssrn.2441133>.
- Levy, JT 2000, *The Multiculturalism of Fear*, New York, 280 p. <https://doi.org/10.1093/0198297122.001.0001>.
- Popper, K 1992, *The open society and its enemies*, vol. 1, Moscow, (in Russian).
- Schumpeter, JA 1995, *Capitalism, socialism and democracy*, Moscow, (in Russian).
- Tierney, S (ed.) 2007, *Multiculturalism and the Canadian Constitution*, Vancouver, Toronto, 256 p.
- Taylor, Ch 1998, 'Crossing goals: the dispute between liberalism and communitarianism', *Sovremennyy liberalizm: Rolz, Berlin, Dvorkin, Kimlika, Sendel, Teylor, Uoldron*, Moscow, pp. 219-248, (in Russian).
- Wieviorka, M 2017, *Is Multiculturalism the Solution?*, viewed 12 September 2017, <http://www.epolis.cz/download/pdf/materials_11_1.pdf>.